

В словоформах прилагательных было выявлено 18 ритмических разновидностей типа К-Ф. Но только 5 из них покрывают 90% словоформ прилагательных. Это следующие модели: $\underline{K}_1\text{-}\Phi_1$ (се/р-ый, бе/л-ый), $\underline{K}_1\text{-}\Phi_2$ (о/бщ-е/го, вне/шн-его), $\underline{K}_{2/2}\text{-}\Phi_2$ (о/со/б-о/го, е/ди/н-о/го), $\underline{K}_1\text{-}\Phi_{2/1}$ (лю/б-о/го, про/ст-о/го), $\underline{K}_1\text{-}\Phi_1$ (и/н-ой, дру/г-ой). Во всех анализируемых текстах модель $\underline{K}_1\text{-}\Phi_1$ так же оказалась самой частотной. Наряду с указанной моделью высокую частоту имеет модель $\underline{K}_1\text{-}\Phi_2$. По количеству возможных моделей научный текст противопоставляется художественному, тогда как разговорный занимает промежуточное положение, в научном употребляется 17 морфо-ритмических моделей, в разговорном – 13, в художественном – 8.

Таким образом, модель $\underline{K}_1\text{-}\Phi_1$ оказалась наиболее частотной во всех исследуемых частях речи и текстах, несмотря на наличие от 13 до 22 морфо-ритмических моделей в разных частях речи.

Следовательно, чем сложнее единица, тем реже она употребляется. Так, состав морфо-ритмических моделей сильно разнится, но вряд ли случайно, что модель $\underline{K}_1\text{-}\Phi_1$ постоянно занимает первый ранг независимо от класса слов и типа текста.

Т.Б. Радбиль

(Россия, Нижний Новгород)

«НЕ» КАК «ОПЕРАТОР НЕОТРИЦАНИЯ» В ЛИНГВОСПЕЦИФИЧНЫХ ИНТЕНСИОНАЛЬНЫХ КОНТЕКСТАХ

Некоторые языковые единицы порой «ведут себя» не так, как им свойственно в стандартных условиях речевой реализации, особенно если они используются в речевой практике в идиоматичном, небуквальном употреблении, в режиме косвенного речевого акта. Отчасти указанные смысловые преобразования в косвенных, интенциональных контекстах могут иметь универсальную, т.е. общекommunikативную природу и не зависеть от конвенциональных

свойств конкретного естественного языка, как, например, фигура **риторического отрицания**. Отчасти они порождены идиоэническими факторами, т.е. обусловлены либо системой, либо речевой практикой, сложившейся на данный момент в данном языковом сообществе.

Наше внимание привлекли случаи, когда классический оператор отрицания НЕ в в типично русских интенциональных контекстах не задает стандартный модус отрицания для частноотрицательной или общеотрицательной структуры суждения, но задействует модус иного, неотрицательного типа (усиления иллюкутивной силы утверждения, эпистемической модальности, модальности долженствования и пр.). При этом интересно, возможно ли подобные явления трактовать как в какой-то мере национально-специфичные, связанные с определенными культурно обусловленными речеповеденческими установками и интенциями носителей русского языка?

Начнем с того, что возможность ослаблять или вообще элиминировать отрицание для НЕ при переходе от экстенционального контекста к контексту интенциональному, на наш взгляд, вообще выступает в качестве универсального свойства данного оператора. Так, выражение *Он не писатель* в режиме прямого речевого акта, в контексте экстенциональном, если речь действительно идет о человеке другого рода деятельности, означает, что субъект суждения не является писателем по профессии. Однако это же выражение, когда речь идет все-таки о писателе, может быть, в соответствии с «постулатом об идиоматичности» Дж.Р. Серля, интерпретировано идиоматично, в режиме косвенного речевого акта (поскольку прямая интерпретация логически противоречива или тавтологически избыточна), – в смысле 'Он – плохой писатель'.

Таким образом, здесь, в интенциональном контексте, принадлежность субъекта суждения к классу писателей по профессии не отрицается. Здесь, скорее, утверждается его несоответствие некоему «идеалу писателя», некоему прототипическому набору признаков, которому в картине мира говорящего должен удовлетворять субъект, чтобы считаться писателем. Получается, что фрагмент смысла 'он является писателем' при переходе от экстенцио-

нального контекста к интенциональному, соответственно, из ассерции переходит в пресуппозицию и, следовательно, потому уже не подлежит отрицанию посредством НЕ.

Рассмотренный универсальный логический и прагматический механизм лежит в основе ряда риторических приемов и фигур. Так, классическим примером подобного «неотрицающего отрицания» выступает так называемый «эротезис» («эротема») – **риторическое отрицание**, т.е. утверждение под видом отрицания: *Не вы ль сперва так злобно гнали его свободный, смелый дар и для потехи раздували чуть затаившийся пожар?* (М.Ю. Лермонтов, «Смерть поэта»). Эта стилистическая фигура, равно как и сходная с ней фигура обычного **риторического вопроса** (без отрицания), с точки зрения теории речевых актов должна интерпретироваться в режиме косвенного речевого акта как усиление, интенсификация иллокутивной силы обычного утверждения *Вы сперва так злобно гнали его свободный, смелый дар и для потехи раздували чуть затаившийся пожар* – в духе примерно следующего: *Это вы, именно вы сперва так злобно гнали и* т.д. Интенсификация данной иллокутивной силы как раз и осуществляется посредством идиоматичной конструкции, включающей совокупно вопросительную интонацию, маркер частноотрицательной структуры НЕ и усиительно-вопросительную частицу ЛИ. Причем обратим внимание, что при элиминации хотя бы одного из перечисленных формальных элементов косвенный речевой акт утверждения под видом отрицания не будет реализован.

В чем же лингвопрагматический смысл подобного отрицания? Обычно выбор косвенного речевого акта трактуется в рамках постулата вежливости как требование к смягчению побуждения. Но здесь нет никакого побуждения. Как нам кажется, здесь, скорее, активизация позиции адресата посредством усиления диалогизации за счет вопросной формы скрытого утверждения, вовлечение адресата в рецепцию описываемой ситуации, т.е. приглашение адресата разделить позицию говорящего.

Одно дело – прямое утверждение **Вы сперва так злобно гнали...*, просто констатирующее некое объективное положение дел в мире, ассерция, которая может рефлексироваться адресатом, подвергаться сомнению или отрицанию, а другое дело – вопрос

в этой ситуации утверждение *Вы сперва так злобно гнали...* из ассерции попадает в пресуппозицию, т.е. в невербализованный фрагмент экстралингвистической информации, заранее известной и говорящему и – «по умолчанию» – адресату (пресуппозиция же, как известно, не подвергается отрицанию или рефлексии).

С точки зрения нормальной стратегии кооперативного речевого взаимодействия, это, разумеется, псевдвопрос (нормальный вопрос был бы *Кто сперва так злобно гнал...?*) – у адресата создается иллюзия возможности нормальной ответной реакции, тогда как реально все ответы известны заранее, и они заданы в зоне говорящего. Безусловно, это стратегия *de re*, которая лежит в основе большинства риторических приемов и фигур и к тому же имеет значительный потенциал манипулятивности.

Рассмотренный прием «неотрицающего отрицания» эксплицитно, по всей видимости, некие общекоммуникативные принципы, заложенные в среде речевого взаимодействия *homo sapiens sapiens* и потому универсален. Однако лежащие в его основе общие логические и коммуникативные механизмы могут порождать некоторые прагматические эффекты уже идиоэтнического, конвенционального характера, иными словами, они могут использоваться для выражения неких культурноспецифичных речеведческих установок носителей какого-либо языка.

Интересной в этом смысле представляется русская фигура двойного отрицания в режиме косвенного акта модализованного положительного суждения – типа *Не могу не заметить; Невозможно не согласиться; Нельзя не отметить* и пр. Отметим существенные ограничения на ее построение в речи – в роли вспомогательного глагола в составном сказуемом здесь обязательно выступает носитель модальности возможности / необходимости. Отсюда, кстати, и возникает «неотрицающее» модальное значение ИИ.

В отличие от грамматикализованного двойного отрицания типа *Никто не пришел*, которое только формально двойное, а реально – обычное, такая фигура с логической точки зрения действительно похожа на отрицание отрицания, которое в результате дает положительное суждение: *Не мог не заметить = заметил*. Однако в ряде случаев все же нет полного параллелизма: *Не могу не за-*

ас-
ный
ной
же,

= че-
ный
да-
гда
го-
ве
еет

кс-
ные
ото
но-
ро-
ого,
ль-
ве-

ра
ого
оз-
су-
мо-
вы-
от-
ние

ния
ре-
ви-
ает
око
за-

метить ≠ Могу заметить, но = Необходимо (надо) заметить → Должен заметить. Зададимся вопросом: что же отрицается в такой конструкции? На наш взгляд, в ней отрицается, «отсекается» одна из возможных альтернатив, т.е. исходное *Могу не заметить* как утверждение возможности случайного несовершения действия. Отрицание в данном случае как бы усиливает модальность возможности за счет отмеченной элиминации случайности, возводит возможность в регистр необходимости, а затем и долженствования.

Эта модель, при ее очевидной национальной специфичности, все же, видимо, отражает какие-то общечеловеческие механизмы рецепции возможного и должного: не случайно в ряде западных языков, например в английском, при невозможности подобной конструкции в стандартном литературном языке, она получает широкое распространение в разговорных вариантах.

Рассмотрим также в интересующем нас ракурсе распространенную разновидность косвенного речевого акта типа *Не могли бы вы передать мне соль?* (как вариант *Не передадите ли мне соль?*), которая является идиоматичным, вполне конвенциональным и достаточно обычным способом выразить в форме вопроса вежливую просьбу. Известен достаточно подробный анализ этой формы косвенного речевого акта в работах одного из основателей теории речевых актов Дж. Р. Серля. Однако Дж.Р. Серль, разумеется, анализирует англоязычный вариант этого косвенного речевого акта, который звучит как *Would You pass me the salt?*, а в этом варианте нет НЕ. Уже сама возможность порождения и рецепции данной конструкции по-английски без всякого НЕ доказывает некую логическую избыточность этого оператора и в русском варианте. Иными словами, НЕ опять ничего не отрицает. Говорящий спрашивает не о невозможности, а, наоборот, как раз о возможности для адресата совершить требуемое действие. Но, с другой стороны, **устранение** НЕ в этой конструкции на русском языке приводит к разрушению идиоматичности, к невозможности косвенной небуквальной интерпретации данного высказывания в интенциональном контексте: ср. *Могли бы вы передать мне соль?* – по-русски звучит только как прямой вопрос о пределах физических и иных возможностей адресата. Кстати, по-английски, напротив, до-

бавление НЕ, т.е. трансформация положительной конструкции в отрицательную, разрушает идиоматичность.

Тогда откуда это НЕ и зачем оно здесь нужно? Почему англоговорящий употребляет конструкцию без негации, а русскоговорящий начинает с НЕ, хотя никакого прямого отрицания ни в английском, ни в русском равно не предполагается? Возможно, здесь следует вести речь о неких специфических установках говорящих, облигаторно отложившихся в языковых формах как результат некоего предпочтительного выбора языкового коллектива, как отражение опыта столетий психологической и культурной интроспекции носителей языка. Так, например, в английском варианте можно видеть установку на возможный позитивный перлокутивный эффект, уверенность говорящего в положительном для него исходе его просьбы, а в русском варианте – установку на возможную неудачу, коммуникативную или перлокутивную, может быть, некое изначальное сомнение, заранее предустановленную неуверенность говорящего в успешности его речевого акта.

Отметим, что аналогичным образом, с «неотрицающим» НЕ, устроены и русские идиоматичные лингвоспецифичные конструкции *Не будете ли Вы так любезны (добры)...?; Не хотите (желаете) ли...?; устар. Не соблаговолите ли... и пр.* Логически эти конструкции актуализуют вполне обычную ситуацию предпочтительного выбора из двух альтернатив: необычность построения выражения русского типа состоит в том, что возможный предпочтительный вариант выбора, который, разумеется, мыслится как **положительный**, условно и конвенционально вербализован **отрицательной** конструкцией, с буквальным значением нежелательного для говорящего варианта. Английский же тип этой конструкции вполне ожидаемо и оправданно использует положительную синтаксическую структуру для вербализации предпочтительного положительного же выбора говорящего в данном косвенном речевом акте.

То, что это не единичный изолированный факт использования «неотрицающей» негационной конструкции для вербализации идеи предпочтительного выбора, а своего рода речеповеденческая модель, доказывается наличием в русском языке других конструкций, так или иначе посвященных альтернативному предпочтению.

Это, например, формально вопросительные конструкции с модальным инфинитивом совершенного вида в значении необходимости совершения действия в будущем – типа *Не пойдут ли нам в кино?* или *Не написать ли мне статью об этом?* (= *Давай пойдём в кино* или *Напишу(-ка) я статью...*). Отметим, кстати, что сходная функция модели с НЕ выразить модальность необходимости проявляется не обязательно в вопросительном предложении – ср., например: *Как же мне не плакать!*

Обратим внимание, что и здесь выдержана та же логика предпочтительного выбора, что и для предыдущего косвенного речевого акта: суждение о предпочтении говорящим выбора возможного положительного исхода (*пойдем, напишу*) актуализовано посредством формально отрицательной структуры. Получается, что говорящий как бы заранее боится от возможной неудачи планируемого «предприятия», он закладывает саму возможность неудачи в стадию речевой реализации плана своего намерения, а также, возможно, намечает для адресата (или себя самого – в роли адресата) возможные пути для отступления, для отказа от предполагаемого (причем в модальности «сильного» долженствования) выбора, предполагаемого совместного действия или участия в событии.

Нам представляется, что подобное «неотрицающее» НЕ весьма частотно для разных русских моделей косвенного речевого акта, например, в вопросительной конструкции с модусом предположения: *Обрыскал свет, не хочешь ли жениться?* (А.С. Грибоедов, «Горе от ума»); *Не пора ли нам домой?*, а также в модели генерализованного высказывания, в роли оператора обобщения (идиоматичного выражения квантора всеобщности); *Кто не проклинал станционных смотрителей?* (А.С. Пушкин, «Станционный смотритель»).

В разговорной речи также встречаются разнообразнейшие конструкции с «неотрицающим» НЕ, например, с семантикой опасения: *Как бы чего не вышло!*; одобрения: *Ну чем не работа!* и др. Представляется, что во всех этих случаях говорящий с помощью НЕ как бы намеренно дезавуирует истинный «положительный» смысл пропозиции.

А.Т. Семенов
(Россия, Пятигорск)

О СЕМАНТИЧЕСКОМ ХАРАКТЕРЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Поэзия, на наш взгляд, является речью или многозначным (полисемным) рядом, отличающим ее от науки как однозначной речи или рода. Каково содержание терминов «многозначность» и «однозначность»? Как они соотносятся с понятиями «коннотат» и «денотат»? В обычных словарях, кстати говоря, «многозначность» толкуется как «наличие у слова нескольких значений (лук) или совокупность слов одинакового звучания (мир), допускающая игру слов». Слово «однозначность» толкуется как «слово, употребляемое по отношению ко многим вещам того же рода, имеющее одно и то же значение», противоположность «неясному, двусмысленному». Вместе с тем Брукс и Уоррен определяют понятие «денотация» следующим образом: «обозначение (денотация) слова есть его специфическое значение». Так, например, денотация слова «собака» – «представитель класса плотоятных млекопитающих (*Canis familiaris*), семейство «*Caniadae*» и пр. Однако это слово имеет, кроме того, большое число коннотаций или имплицитных значений и ассоциаций. Коннотации определенного слова могут в значительной степени развиваться в зависимости от применения их разными лицами или в разных контекстах. Так, с одной стороны, собака символизирует верность, но, с другой стороны, это слово имеет и другие коннотации, которые могут проявиться в каком-то ином контексте. То есть слово «собака» может быть использовано как оскорбление.

Итак, для большей точности вместо англицизма (обязанного своим происхождением Миллу) «денотация» мы будем употреблять наше русское слово «однозначность» (не введя за В. Жириновским) и соответственно «двусмысленность». Следовательно, мы заменяем англицизм «коннотация» русским словом «многозначность».

Для уяснения семантико-гносеологических категорий однозначности, многозначности и двусмысленности обратимся к се-